

Эта часть истории завершилась тем, что невеста вошла в поминальный зал, а односельчане закончили поминальный пир.

Восемь человек, поев, разошлись по своим комнатам.

Из-за гнетущей атмосферы ужин прошел не лучшим образом, однако Линь Цзин заметила, что Цзи Личэн во второй половине трапезы съела большую часть того, что было на столе.

Сама Линь Цзин едва притронулась к супу, а когда увидела, как морщинистая старуха поддерживает невесту, чуть не наложила в штаны от страха.

Как она, Цзи Личэн, смела — как она вообще могла есть с таким аппетитом?

Цзи Личэн, выслушав слова Вэнь Хэли о том, что завтра они пойдут к сыну дурачка, отвлеклась и остаток свадьбы провела за едой с удовольствием.

Погладив свой животик, она легла на кровать, закинув ногу на ногу.

Только Цзи Личэн собралась уснуть, как Линь Цзин снова начала свой пустой треп.

— Сестренка Чэнцзы, может, поменяемся кроватями? Мне кажется, моя все время шатается.

Цзи Личэн ответила:

— Нельзя.

— Мне все время кажется, что под одеялом что-то колет, я не могу уснуть, — пожаловалась Линь Цзин.

— Ты что, принцесса на горошине? Тебя колет горошина? — спросила Цзи Личэн.

— В любом случае, я не сплю, и тебе не позволю.

Говоря это, Линь Цзин внезапно запела.

Ее пение было трудно описать словами. Если уж подбирать сравнение, то это было даже противнее, чем крикание уток.

Цзи Личэн, понимая, что не переспорит ее, а также опасаясь, что та будет голосить всю ночь — а сама она не сможет уснуть, пока та будет бодрствовать, — в конце концов согласилась поменяться.

На следующее утро Цзи Личэн встала очень рано, хотя и не по своей воле. Еще до рассвета снаружи слышался топот бегущих ног и возбужденный гомон голосов.

Цзи Личэн поймала одного из слуг и спросила:

— Брат, скажи, что случилось? Почему такой шум с самого утра?

Слуга выглядел перепуганным, его речь была сбивчивой:

— Невеста... невеста пропала!

Цзи Личэн замерла:

— !!!

Когда Цзи Личэн и Линь Цзин прибежали в брачную комнату, Вэнь Хэли, Сун Муяо и остальные уже были там. Все восемь человек собрались в сборе.

От служанки они узнали, что вчера после завершения обряда невесту отвели в приготовленную комнату. В таких случаях, когда один из супругов жив, а другой мертв, совместное захоронение не требуется — это своего рода пожизненное вдовство с момента замужества.

Не успев даже подойти ближе, Цзи Личэн почувствовала густой, тошнотворный запах крови. Свечи в комнате были опрокинуты, белые иероглифы Счастья на стенах пропитались кровью, окрасившись в красный цвет.

Чжан Вэй, следуя инстинктам оператора, привыкшего выхватывать кадры, пробормотал:

— Постель такая вздутая, что там внутри? — и откинул красное шелковое одеяло.

— Рука! Это... это в постели чья-то рука!

Чжан Вэй стремительно отпрянул, упал на пол и, вскочив, в ужасе выбежал из комнаты.

В ушах звенел пронзительный крик Линь Цзин, рядом слышались рыдания Сышуй.

Цзи Личэн, прикрыв рот рукой, посмотрела на кровать: белое постельное белье было насквозь пропитано кровью, а на ткани густо, один к одному, были выведены кровавые иероглифы Счастья!

Две окровавленные руки, завернутые в простыни, сжимались в кулаки, сохраняя жуткую гримасу боли, застывшую в момент отсечения.

Сун Муяо воскликнул:

— Черт возьми, черт возьми, это правда рука!

Вэнь Хэли добавил:

— Должно быть, это руки невесты.

— Это она, точно, — подтвердила Цзи Личэн. — Вчера вечером я видела на невесте такой же браслет.

Голос Сышуй дрожал:

— Значит... значит, невеста уже мертва?

Шаньшань утешала сестру:

— Пока мы не увидели тело, ничего не ясно. Может, она еще жива.

— Какая разница, жива она или мертва, — с презрением бросила Линь Цзин. — Вы что, правда собираетесь ее искать? В этом проклятом месте следующими можем стать мы.

— Нужно искать, — подал голос Чапай, до этого молчавший. — Здесь все может быть ключом к выходу. Мы должны искать.

Цзи Личэн кивнула:

— Я согласна.

Вэнь Хэли тоже склонил голову.

Сун Муяо сказал:

— Раз вы оба идете, я тоже пойду.

Шаньшань и Сышуй выразили согласие.

Линь Цзин посмотрела на них так, будто они все сошли с ума.

В конце концов, не желая оставаться в одиночестве, Линь Цзин пошла с остальными. Восемь человек разделились на вчерашние группы и отправились на поиски.

Цзи Личэн нашла тех самых старушек, с которыми общалась вчера. Казалось, исчезновение невесты их совершенно не волнует, они по-прежнему сидели во дворе и судачили.

Не спросишь — не узнаешь, а спросишь — испугаешься. Оказалось, это не первая пропавшая невеста в клане Чжоу. Сын клана Чжоу женился уже трижды, и это была третья пропавшая невеста!

Вдруг люди на тропинке у двора начали стекаться в одну сторону. Пойманный сельчанин сказал, что невесту клана Чжоу нашли.

Трое последовали за толпой и в итоге оказались под деревом софоры у въезда в деревню.

Там было не протолкнуться, почти все жители деревни собрались в одном месте. Несколько сотен человек плотным кольцом окружили дерево. Любовь к зрелищам — традиция, существующая с древности до наших дней, и NPC в мире монстров не стали исключением.

Цзи Личэн, используя свою худощавую фигуру, протиснулась в самый перед и увидела...

Невеста была мертва.

Ветви софоры странно изогнулись, напоминая то самое дерево с кривой шеей, которое Цзи Личэн видела в первый раз, — от него веяло мертвенным холодом.

Но в этот раз ее поразило то, что пропавшая невеста висела на дереве! Она была в свадебном наряде, рукава которого развевались на ветру.

Цзи Личэн начала думать, что хорошее зрение — не такое уж благословение.

Она отчетливо видела, как из семи отверстий лица невесты сочилась кровь, запекшаяся на коже. Глаза были вырваны, остались лишь черные глазницы, похожие на бездонные дыры, готовые поглотить сознание любого, кто на них посмотрит.

Невесту нашли под деревом, как и двух предыдущих.

Свадьба обернулась похоронами. Из-за того, что невеста погибла столь ужасной смертью, родственники забрали ее тело, чтобы достойно похоронить.

Они надеялись на призрачный брак с богатым кланом Чжоу, полагая, что в худшем случае дочь будет жить вдовой, но никто не ожидал, что она погибнет так страшно.

Позже Цзи Личэн и ее спутники, сославшись на то, что им стало нехорошо от увиденного и они хотят прогуляться, чтобы развеяться, отделились от толпы.

Чтобы самим не стать следующими жертвами, они решили найти того самого сына дурачка, о котором узнали вчера, в надежде получить хоть какие-то зацепки.

Старушки рассказывали, что дурачка зовут Чуньфу. В детстве он переболел сильной лихорадкой, после чего остался слабоумным. Видимо, дуракам везет — он женился на красивой и работающей женщине.

Сын дурачка, однако, не был слабоумным. Он пошел в мать и вырос очень красивым юношей. Из-за того, что он был чересчур изящным и выглядел даже красивее девушек, в деревне его в шутку называли госпожа Чунь.

Старушки рассказывали, что парня зовут Чуньлай. Хотя он не был глупым, характер у него был замкнутый. Он не любил общаться с посторонними и целыми днями дома пел оперные партии — и днем, и ночью. Люди, не сведущие в опере, считали, что он подражает заунывному женскому пению, надрывая голос, что звучало жутковато глубокой ночью.

Цзи Личэн про себя подумала: какое там заунывное пение — это вы просто ничего не понимаете, это же национальное достояние! Еще не встретившись с Чуньлаем, она уже прониклась к нему симпатией.

Трое подошли к дому Чуньлая. Дверь открыл мужчина лет сорока-пятидесяти. Он расплылся в довольной улыбке, глядя на гостей.

Вэнь Хэли и Сун Муяо, проявив удивительное единодушие, отступили на шаг назад, переложив общение на Цзи Личэн.

Цзи Личэн, широко улыбнувшись и показав свои маленькие клыки, произнесла:

— Дядюшка, здравствуйте! Скажите, пожалуйста, Чуньлай дома?

Чуньфу радостно отозвался:

— А-Лай, А-Лай! К тебе пришли трое ребятшек! Выходи скорее, поиграйте вместе.

— Папа, я иду, — донесся ответ еще до того, как показался сам человек.

Цзи Личэн подумала: какой приятный голос, звонкий, как пение иволги, и чистый, как звон нефрита.

Вошедший был одет в длинное светло-голубое платье. Слегка подведенные глаза, тонкий макияж, алые губы — он был накрашен как актер ампуа хуадань.

Грациозная фигура, взгляд, подобный осенним водам — каждое его движение, каждая улыбка могли вскружить голову.

Даже Цзи Личэн, будучи девушкой, не могла не восхититься его красотой — это было земное воплощение совершенства!

Сун Муяо уставился на него во все глаза и невольно выпалил:

— Черт возьми, такой красивый... он правда не девушка?

Сказав это, он понял, что прозвучало это не слишком вежливо, и добавил:

— Простите, я не хотел сказать, что вы похожи на девушку, просто вы очень красивы.

Чуньлай улыбнулся, приоткрыв алые губы:

— Ничего страшного, приму это за комплимент.

— Чуньлай, у тебя очень красивое имя, будто весна пришла, — искренне сказала Цзи Личэн.

Чуньлай замер на мгновение, затем уголки его губ слегка приподнялись:

— Спасибо.

Чуньлай спросил:

— Вы, должно быть, студенты, которых пригласил клан Чжоу? Зачем вы пришли ко мне?

— О, понимаете, мы проводим опрос среди местной молодежи, хотим узнать, интересно ли им изучать что-то новое, и планируем бесплатно обучать их основам — например, английскому или литературе, — объяснила Цзи Личэн.

Сун Муяо подумал: я сам почти поверил, вот это да, братан.

Вэнь Хэли промолчал.

— Мы просто собираем статистику, и если наберется много желающих, откроем бесплатные курсы. Вы не могли бы нам помочь? Пожалуйста-пожалуйста! — продолжала Цзи Личэн.

— Хорошо, — ответил Чуньлай.

Цзи Личэн, захлопав ресницами, спросила:

— А мы можем войти и присесть?

— Конечно, — улыбнулся Чуньлай. — Проходите, садитесь, а я пока переоденусь.

Переодевшись, Чуньлай выглядел не менее прекрасно, хотя в обычной одежде казался еще более мягким и утонченным.

Цзи Личэн вежливо задала несколько базовых вопросов: какой уровень образования, какие предметы интересны, есть ли желание записаться?

После этого она сама почувствовала себя сотрудником сетевого маркетинга.

Чуньлай вежливо отказался, сказав, что ему уже 27 лет, так что он записываться не будет.

Затем Цзи Личэн как бы невзначай упомянула молодого господина из клана Чжоу — Чжоу Гуйцаня.

Когда прозвучало имя Чжоу Гуйцаня, Цзи Личэн показалось, или он действительно заметно вздрогнул? Впрочем, мгновение спустя он снова обрел спокойствие и на его лице появилась легкая улыбка.

— Брат Чуньлай, ты знаком с Чжоу Гуйцанем?

Чуньлай без колебаний ответил:

— Знаком. Сын помещика, молодой господин клана Чжоу, единственный студент в нашей деревне.

Сун Муяо спросил:

— И что ты о нем думаешь?

Чуньлай ответил:

— Эрудированный, красивый, человек с собственными стремлениями и идеалами.

— А кем он тебе приходится? — Вэнь Хэли подбирал слова. — Другом?

Чуньлай ответил прямо:

— Мы не только наставники и друзья, он — человек, которого я люблю.

— Человек, которого любишь! Ты имеешь в виду любовь как к другу? — поразился Сун Муяо.

— Нет, это не дружеская любовь, — взгляд Чуньлая был тверд. — Это любовь, с которой хочется прожить всю жизнь. Не довелось прожить жизнь вместе — так хоть в одной могиле лежать после смерти.

Голос Чуньлая был тихим, но каждое слово он произносил с такой серьезностью, что оно отдавалось в сердцах всех троих. Это произвело на них сильное впечатление.

— Возможно, в ваших глазах я противен, думаю, он тоже так считал, — Чуньлай замолчал на несколько секунд, в его глазах промелькнула печаль. — Когда я отправил ему письмо, чтобы выразить свои чувства, на следующий день я услышал, что он... что он оступися и упал со скалы.

— Это был первый человек, которого я встретил, — человек, который словно светился изнутри. Он был как солнце, которое невозможно не заметить, и он не скупился на свой свет даже для такого, как я, прячущегося в тени.

— С тех пор мое сердце бьется только ради него, — глаза Чуньлая покраснели. — Может, я и

правда монстр? Неужели это так отвратительно, когда мужчина любит мужчину?

Цзи Личэн ответила очень серьезно:

— Нет, это не так. Любовь — это отношение одной души к другой.

— Точно! Хотя я люблю девушек, но если ты любишь парней — я не вижу в этом ничего странного. В конце концов, это не мое дело. Просто терпеть не могу сплетниц, которые любят совать нос в чужие дела, — добавил Сун Муяо.

Вэнь Хэли опустил ресницы и тихо произнес:

— У любви нет пола. Это как пить воду: лишь сам пьющий знает, холодна она или горяча.

— Брат Чуньлай, скажу тебе по секрету, — произнесла Цзи Личэн, — в том месте, откуда мы, никто не считает странным, кого бы ты ни любил.

Чуньлай спросил:

— Неужели такое время когда-нибудь настанет?

Цзи Личэн ответила:

— Обязательно... настанет!

Трое друзей не решились задерживаться слишком долго, опасаясь вызвать подозрения.

По дороге они слышали, как сельчане обсуждают жертвоприношения Божеству горы и праздник монстров. Они расспросили их об этом и узнали, что праздник монстров и горные леса — это крайне опасные места, и те, кто забредал туда случайно, никогда не возвращались.

Вернувшись, они поделились информацией с остальными.

В ту ночь Цзи Личэн уснула необычайно рано и крепко. Она проспала до самого рассвета и видела сон.

Во сне она видела то, чего никогда не переживала на самом деле — историю Чжоу Гуйцаня и Чуньлая.

Цзи Личэн словно смотрела на происходящее с небес, в состоянии бесплотного духа. Никто не мог ее видеть или коснуться.

Это была весна, когда в деревне повсюду цвели персиковые деревья. В деревне Юнъю их было больше всего, и весной они расцветали так пышно, что воздух был напоен их ароматом.

Под персиковым деревом маленького Чуньлая окружили деревенские хулиганы. Сунь Эргоу толкнул его, Чуньлай ударился спиной о ствол, но лишь глухо застонал — он не плакал и не

сопротивлялся.

Чуньлай рос белым и чистым, худеньким и низким, с тонкими чертами лица, из-за чего мальчишки вечно его травили.

— Чуньлай, твой папаша — дурак, ты сын дурака, значит, ты маленький дурачок, ха-ха-ха!

— Ха-ха, ты так похож на девчонку, может, ты и есть девчонка? Бабские замашки, фу, может, нам называть тебя госпожа Чунь?

— Чуньлай, Чуньлай, почему тебя так зовут? Может, оттого, что весенняя ночь стоит тысячи золотых? У тебя такое пошлое имя, ты, небось, любишь мужиков?

Мальчишки десяти с лишним лет не задумывались о чувствах других. Они находили травлю Чуньлая забавной, не стеснялись в выражениях и даже сочинили дразнилку.

Чуньлай закрыл уши руками, зажмурился и сжался в комок. Он молча думал: потерпи еще немного, когда им надоест, они отстанут.

Как бы он ни закрывал уши, он все равно слышал их насмешки, их голоса звучали в голове.

Сын дурака, Чуньлай — такое пошлое имя, коротышка, баба...

Он схватился за волосы, мотая головой, отчаянно пытаясь выбросить это из головы.

Цзи Личэн, глядя на это, не выдержала. Она бросилась вперед, чтобы защитить его, но прошла сквозь них — она не могла их коснуться. Она была лишь сторонним наблюдателем, бессильным помочь Чуньлаю в его беде.

Вдруг толпа расступилась.

В центре стоял мальчик в красивой одежде, с изящным лицом — сразу было видно, что он не похож на остальных деревенских детей.

— А ну пошли прочь! Не то расскажу вашим родителям, и будете стоять на коленях весь день!

Деревенские мальчишки разбежались, испугавшись окрика.

Цзи Личэн узнала его: это был молодой господин из клана Чжоу, Чжоу Гуйцань.

Чжоу Гуйцань подошел к Чуньлаю и присел на корточки. В тот год Чуньлаю было семнадцать, а Чжоу Гуйцаню — четырнадцать.

Чуньлай, страдавший от недоедания, выглядел таким хрупким, что его невольно хотелось защитить.

Чжоу Гуйцань протянул руку, чтобы смахнуть лепесток персика с его волос, но Чуньлай рефлекторно отпрянул — он привык, что его хотят ударить.

Чуньлай робко поднял голову. Солнечный свет падал на мальчика, словно он сам излучал сияние.

Словно божество спустилось с небес, чтобы помочь ему!

Маленький Чуньлай впервые встретил Чжоу Гуйцаня, и именно так он его воспринял.

Чжоу Гуйцань взял Чуньлая за руку, вложил в его ладонь опавший цветок и улыбнулся так тепло, как весеннее солнце.

— Не принимай близко к сердцу то, что они говорят. Это все чушь собачья, — сказал Чжоу Гуйцань.

Цзи Личэн внезапно поняла, почему Чуньлай так его полюбил. Чжоу Гуйцань действительно был того достоин.

Деревенские дети дразнили Чуньлая, и чаще всего доставалось его имени — в устах других мальчишек иероглиф Чунь (весна) приобретал пошлый, сексуальный оттенок.

Только Чжоу Гуйцань улыбнулся мягко и сказал:

— Весна, которая приходит.

— Неважно, означает ли твое имя приход весны или что-то другое, для меня оно очень красиво, — сказал Чжоу Гуйцань. — И даже если оно связано с чем-то интимным, я считаю, что и весенняя ночь, и весенние порывы — это прекрасные и священные слова, текучие, но не вульгарные, откровенные, но не постыдные.

Глаза Чуньлая расширились — он не мог поверить, что кто-то может сказать такое.

В их деревне любые намеки на интим были под запретом, и он сам начал стыдиться собственного имени.

Впервые кто-то сказал ему, что имя Чунь — это прекрасно, и даже интим может быть священным.

Позже Чуньлай узнал, что спасший его мальчик — старший молодой господин из дома помещика Чжоу. Он с детства учился в городе и редко бывал в деревне Юнъю.

С тех пор тоска Чуньлая по городу стала еще сильнее.

Он тоже хотел стать таким, как Чжоу Гуйцань, хотел стоять рядом с ним.

Следующая их встреча произошла в городе, в театре, утопающем в цветах.

Это была зима, времена Китайской Республики. Чжоу Гуйцань, когда у него выдавалось свободное время, любил ходить в театр. В тот раз давали «Пьяную наложницу», и, сев на свое место, он заметил, что актер в роли наложницы сменился.

На сцене звучали оперные напевы, в зале стоял шум.

Человек на сцене был в красном, в головном уборе с фениксом. Длинными изящными пальцами он держал веер — закрывал, открывал, поднимал, опускал. Каждое движение, каждая улыбка Ян Гуйфэй завораживали.

В тот год Чжоу Гуйцаню было 18, а Чуньлаю — 21.

Чжоу Гуйцань понял, что влюбился с первого взгляда.

После второй встречи они не расставались. Позже, когда одному исполнилось 20, а другому 23, они вместе вернулись в деревню Юнъю. Чжоу Гуйцань открыл школу, а Чуньлай начал обучать детей оперному пению.

Чжоу Гуйцань учил Чуньлая английскому и литературе, а Чуньлай учил его опере.

Чжоу Гуйцань улыбался так, что у него на щеках появлялись ямочки, и в шутку называл его великим артистом Чунем.

Чуньлай нежно улыбался в ответ и называл его господином Чжоу.

Они провели вместе долгие, беззаботные и счастливые дни.

Цзи Личэн молча наблюдала за их историей и начала мысленно «шипперить» их!

<http://bllate.org/book/20940/2122899>